

● ЗА КУЛИСАМИ ПРОФЕССИИ

«УВИДЕТЬ СЕБЯ В НОВОМ КАЧЕСТВЕ»

ФОТОГРАФИИ Плотникова запоминаются надолго. Их можно узнать, даже если под ними нет подписи автора. По каким признакам? Бывает, Валерия критикует за излишнюю декоративность, мельчайшую детализацию, тщательную продуманность позы. Все это имеет место, и отчуждаться к его творческой манере можно по-разному. Но главная отличительная черта его работ — это личное отношение Плотникова к человеку и его творчеству.

Наш корреспондент попросил Валерию ответить на несколько вопросов.

— Когда вы в первый раз взяли в руки фотоаппарат?

— Это случилось в школьные годы. Я жил и учился в Ленинграде. Есть там замечательное объединение «Ленфильм». И вот под крылом этого объединения собралась группа четырнадцатилетних ребят, которые грезили кинематографом, зачитывались Дзигой Вертовым и Рене Клером. Мне в этой компании отводилась роль фотографа и оператора, поскольку я в то время учился в художественной школе. Ну и ребята предполагали, что если я имею дело с художественным изображением, то я должен и снимать наши будущие фильмы. А за неимением кинокамеры я взял в руки фотоаппарат. И все это переросло в серьезное изучение операторского дела: после школы я закончил операторский факультет ВГИКа.

Сейчас я снимаю представителей разных видов искусств. Это и театр, и кино, и музыка, и литература, и мода, и реклама. Но меня больше знают по обложкам и вкладкам в журналах и по публикациям в периодической печати.

— Как вы отбираете объекты для съемки?

— Есть люди, которых я очень люблю снимать, снимаю многие годы. Среди них самый дорогой мне человек — Ирина Купченко. Давно и с удовольствием снимаю Иннокентия Смоктуновского. Это один из немногих людей, которые любят сниматься. В этот ряд можно поставить также Алису Фрейндлих, Елену Кореневу, Александра Калягина, Олега Янковского. Портреты в большинстве своем остаются в моем архиве. Но все равно снимаю, потому что люблю это дело, люблю этих людей.

— Возможно, выставки, подобные той, что не так давно прошла в Центральном Доме художника, дают возможность ближе познакомиться с манерой фотохудожника?

— Я предъявляю к антуражу экспозиции особые требования. Выставляться в коридорах, в подвалах — бессмысленно. Выставка должна быть как минимум событием, а по-настоящему — праздником. Фотографии — в рамках, застекленные. Все должно быть уважительно, а выставки на клею, на кнопках, на бечевках сами по себе вызывают жалкое впечатление.

В последнее время существует несколько выставок моих работ: одна из них (200 фотографий) открылась в прошлом году в Будапеште, а затем начала путешествовать по Венгрии; вторая экспонировалась в городах Поволжья; третья выставлена в редакции журнала «Театр».

— Из каких этапов складывается у вас процесс работы?

— Самый изнуряющий для меня процесс — это съемка. Я очень нервничаю каждый раз, когда снимаю. Это вроде бы смешно, кажется, чего волноваться, ведь снимаю давно, много, должна бы появиться уверенность. Бывает, сам на себя злюсь за это, поскольку такое состояние очень мешает работе. Как на экзамене — предмет знаешь, а все равно волнуешься. Вот и я — боюсь каждый раз съемки, даже иногда не хочется ее начинать.

Зато потом начинается приятное: проявление пленки и особенно печать. Это как волшебство, когда вроде бы из ничего получается картинка. На этом этапе я спокоен, доволен и умиротворен. Могу внести

любые коррективы: что-то усилить, что-то притушить.

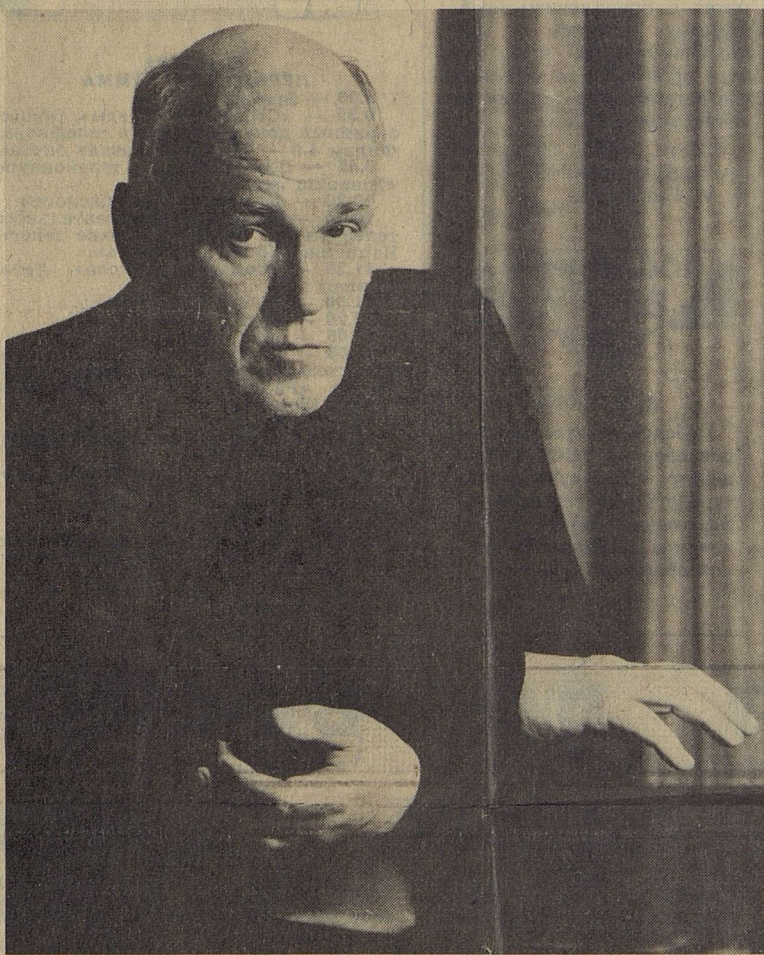
— А как долго продолжается съемка?

— Это зависит от человека, которого я снимаю. Я давно заметил, что стоматологи применяют такой психологический прием, чтобы успокоить пациента: они долго переключают свой инструмент, разговаривают между собой, шутят. Ну, а человек, сидящий в кресле, постепенно входит в орбиту их проблем, успокаивается.

Мои клиенты перед камерой так же внутренне зажимаются. А я снимать не смогу, пока человек не раскрепостится. Тогда, по примеру стоматологов, я начинаю потихонечку разворачивать свою аппаратуру, прошу его помочь поддержать, нажать, развинтить — вовлекаю его в круг своих проблем. И он у меня постепенно оттаивает.

Сама съемка не занимает много времени. Обычно я использую для «разогрева» человека одну-две пленки, и в дело идут последние кадры.

— Бывает мнение, что у хорошего фо-

тографа люди на фотографиях выглядят лучше, чем в жизни. Так ли это?

— Для меня хороший фотограф — тот, кто имеет свою позицию, свою точку зрения, и еще — твердо знает, что он снимать не будет. Потому что всеядность фотографа и создает безликую массу снимков. Современная камера и фотоматериалы позволяют запечатлеть все что угодно.

Фотографу иногда говорят: «Посмотри, какой красивой ты ее сделал». Скорее надо сказать, что она как раз такая и есть, но обстоятельства, незнание не позволяют ей увидеть себя в новом качестве.

— И в заключение нашей беседы — вопрос о планах.

— Один журналист как-то придумал за меня ответ на этот вопрос: «Снимал, снимаю и буду снимать!» В принципе, действительно это так, но чуть тише. Без ложной аффектации. Хотел бы сделать альбом своих фотографий, и даже не для себя, а для людей, которые хотят их смотреть.

М. БАРАНОВ.

НА СНИМКЕ: В. Плотников. Портрет Святослава Рихтера.

354